

Оберегай тишину, и тишина
убережет тебя.

Французская поговорка

1

Смерть разливается по моим венам. Неотвратимо прокладывает себе путь и несет с собой холод. Пробирается по сосудам, точно живое существо, исследуя каждый уголок моего тела. Я чувствую, как она устремляется в кончики пальцев и поворачивает обратно, ищет новые лазейки. В кураже любопытства стремится проникнуть в каждую жилку. У меня уже не осталось сил сопротивляться, и я отдаюсь ей в руки. Нет смысла оттягивать неизбежное. В смерти есть свои положительные стороны. По крайней мере, она избавит от боли. Холод подбирается к сонным артериям. Сердце прокачивает кровь к мозгу, туда, где помещается сознание. Я жду, пока оно угаснет, как уже под натиском смерти отступила боль. Меня все глубже затягивает в мрачный, неведомый мир. Я вслушиваюсь в его звуки. Но минуты тянутся бесконечно долго, а я по-прежнему здесь. Холод пробирается к моим глазам. Веки, словно по собственной воле, распахиваются, но тут же смыкаются: яркий свет режет глаза. Это и есть тот самый свет, о котором говорят умирающие? Ослепительное сияние в конце длинного темного туннеля? Я приоткрываю глаза и различаю сквозь веки синее небо.

Я резко поднимаюсь.

Где я?

Прямо надо мной качаются на ветру верхушки деревьев. Размеренно, из стороны в сторону. Светит солнце. Небо чистое, лишь кое-где проплывают белые клочки. На моих запястьях плотные повязки. Я не чувствую боли и уже почти не сомневаюсь, что мертва. Но вот я слышу звук, на небесах совершенно неуместный. Тихий скрип, как будто кто-то ступает по старым доскам. Я осматриваюсь и недоумеваю. Передо мной стены из стекла, над головой простирается небо, и вокруг — лес. Лишь за моей спиной — обычная стена из бетона. От бетонного же пола тянет холодом. Я чувствую, как по коже ползут мурашки. И вдруг осознаю, что из одежды на мне только рубашка. Скорее даже мешок длиной до колен, с вырезом вдоль спины, скрепленным двумя завязками. Это та самая рубашка, которая была на мне в больнице. Сразу оживают воспоминания. Снова оглядываюсь и пытаюсь понять, мертва ли я уже. Но снаружи щебечут птицы. Надо мной пролетает сорока, смотрит на меня с высоты. Значит, я не призрак, и уж тем более не ангел. Я щиплю себя за руку: ощутимо больно. Проклятье! Я все еще жива. Что происходит — и где я вообще?

Лихорадочно озираюсь, но не вижу ни дверей позади себя, ни створок в остекленном фасаде. Сверху также никаких путей наружу. Мне снова вспоминается скрип досок. Я внимательнее осматриваю пол, и на глаза мне попадается половик. Коврик серого цвета сливается с бетоном. Я сдергиваю его, и у меня под-

скакивает пульс. Передо мной дощатый люк с кольцом посередине. Я тяну за кольцо и поднимаю крышку. Взору открывается проем; вниз уходят несколько ступеней.

Я ложусь на живот и заглядываю в проем. Внизу царит непроглядный мрак. Я не могу решиться. Меня сковывает страх, мой давний спутник. Сколько времени мы проводили вместе изо дня в день... Но в этот раз я не позволю себя удержать. Все равно другого выхода нет. Чего мне, в конце концов, бояться? Еще минуту назад смерть казалась мне избавлением.

Так что я делаю глубокий вдох и собираю всю волю в кулак. Опускаю ноги в проем и достаю до верхней перекладины. Сбоку приставлена лестница, и я спускаюсь вполне благополучно. Растерянно оборачиваюсь. Глаза понемногу привыкают к темноте. Я стою в каком-то коридоре, но не вижу, где он оканчивается. Делаю несколько шагов. Узкая полоса света пробивается сквозь щель. Справа расположена дверь. Я поворачиваю ручку, но дверь заперта. Ядвигаюсь дальше, к следующей двери, пытаюсь открыть ее. Безуспешно. Пробую еще с тремя дверьми, но с тем же результатом. И лишь в конце коридора мне попадаете незапертая дверь. Однако петли издают такой скрип, что я невольно вздрагиваю. Кажется, на меня вот-вот что-то бросится из темноты. Но я по-прежнему одна. Стоит мертвая тишина. Лишь потрескивают несколько зажженных свечей и гулко колотится сердце. Я осторожно вхожу.

Центр комнаты занимает стол, сервированный двумя тарелками с приборами и бокалами. В графине играет бликами красное вино. Пахнет едой. Я иду на запах

и вижу две кастрюли на сервировочном столике. Дрожащей рукой поднимаю крышку. Картофель с розмарином. Рот мгновенно наполняется слюной. Я игнорирую урчание в животе и оглядываюсь. Есть что-то странное в этой комнате, вот только я не могу понять, что именно. Но разобраться не успеваю: вновь слышится этот странный скрип. Пол у меня под ногами дощатый; доски, вероятно, старые и прогибаются при каждом шаге. Кто-то идет по коридору. Я бросаюсь в ближайший угол и прячусь за комодом. Дверной проем заслоняет широкая тень. Я не смею дышать. Внезапно загораются лампы под потолком, и комнату заливают слепящий свет.

— Здравствуй, Ева, — произносит низкий голос.

Паника захлестывает меня, подобно цунами. И я кричу, кричу, кричу...

2

Днем ранее

Лаура сама не понимала, почему оказалась здесь. Жуткий кошмар вырвал ее из сна. Она приехала, чтобы убедиться: теперь это место не таит угрозы. Пережитый ужас остался в прошлом. И все же Лаура вновь ощутила холод. Именно здесь в одиннадцать лет в ней умер ребенок, маленькая Лаура. Девочка, которая считала, что монстров не существует. Считала так, потому что в этом ее заверяла мама. А следовало прислушаться к мрачным теням под кроватью. Те предостерегали маленькую Лауру. Если б она только слушала их, возможно, ей удалось бы сбежать от монстра. Она усмотрела

бы зло под маской дружелюбия. Заметила бы холод в добрых голубых глазах. Распознала бы в его чертах подлые побуждения и жажду завладеть ею.

— Давай, потанцуй со мной. Это твой новый дом, — сказал он с улыбкой.

Но Лаура, точно напуганный еж, свернулась на жестком бетонном полу. Тогда он пришел в бешенство и грубо поднял ее на ноги. Как тряпичную куклу, швырнул через всю комнату. У него были громадные руки, крепкие пальцы врзались в плоть. И по сей день она ощущала его хватку на запястьях.

Лаура вскинула голову, как если б он вновь возник перед ней. Этот могучий человек, который столь внезапно обратился в монстра...

Воспоминание электрическим разрядом пробрало тело до нервных окончаний. Вот она снова здесь, на старой насосной станции, где он держал ее. Лаура едва слышно всхлипнула и подошла к стене, возле которой когда-то лежал ее рваный матрас. От него пахло грязью и страхом других девочек, которые побывали здесь до нее. Лаура окинула взглядом стену. Явственно увидела в трещинах свои обломанные ногти, как если б они держались там до сих пор. Вместе с тем после ее побега насосную станцию как следует обыскали.

Лаура невольно провела рукой вдоль шрамов, тянувшихся от ключицы по всей груди. Боль давно утихла, но каждое прикосновение пробуждало болезненные воспоминания. Воспоминания до того живые, что казалось, будто ей снова одиннадцать. Она приехала сюда, потому что монстр вновь настиг ее в ночном кошмаре. За послед-

ние двадцать лет Лаура бывала здесь нечасто. Долгие годы она надеялась отгородиться от страшных событий. На протяжении дня это ей удавалось, но даже тогда ее порой настигали ужасы прошлого. Она упорно пыталась примириться с пережитым, и все-таки монстр то и дело возвращался. И этой ночью Лаура приехала, чтобы отделаться от него. Здесь он обитал, и здесь ему следовало оставаться. Чудовищу не место больше в ее жизни. Хоть преступник так и не был пойман, давно пора закрыть эту страницу.

Лаура протянула руку и медленно провела по трещинам в стене. Грубый холодный камень царапал кожу. Отчаяние глубоко въелось в старый бетон. Из прошлого все еще доносились крики и плач других девочек.

Лаура услышала шорох у себя за спиной и резко обернулась. Посветила фонарем в темноту. В нескольких метрах над полом тянулись толстые трубы насосной станции. Лаура знала, что за стеной трубы вели вниз. В них очень тесно. В сущности, слишком тесно для человека, и все-таки ей тогда удалось пробраться по верхней трубе наружу. На свободу. Не будь в конце решетки, она бы выбралась практически невредимой. Но, протискиваясь между ржавыми прутьями, Лаура содрала кожу на груди. Несмотря на усилия врачей, в глубокие раны попала инфекция, и в конечном счете пришлось пересаживать кожу с бедра. Поэтому с тех пор Лаура носила только закрытые блузки и брюки. Никому не следовало знать, что и она когда-то стала жертвой. Теперь, будучи следователем при земельном управлении полиции Берлина, Лаура сама помогала людям. Перевоплотилась из добычи в охотницу...

Вновь послышался шорох, и Лаура пошарила во тьме лучом фонаря. Жирная крыса метнулась в угол и скрылась за трубой. Лаура выдохнула и внимательно огляделась. Старое сооружение, от которого со временем останутся лишь развалины. Эти стены больше не таили опасности. Зло покинуло это место. Так почему же оно по-прежнему преследовало ее в кошмарах? Лаура посветила по серым стенам и грязным окнам, многочисленным трубам и приборам, при помощи которых раньше приводились в действие насосы. Постояла неподвижно, пытаясь прогнать из памяти засевшие образы. Через несколько минут она развернулась и вышла. Села в машину и еще некоторое время смотрела на здание сквозь ветровое стекло.

— Сиди там и не выходи, — прошептала Лаура и поехала прочь.

Машина во весь опор мчала сквозь ночь. Только так можно было вырваться из объятий зла. Только перед городской чертой Лаура сбросила скорость и поехала напрямик к себе домой. Стрелка на часах подбиралась к трем. Лаура устало поднялась к своей квартире на мансардном этаже и по старой привычке заперла дверь на задвижку. На цыпочках прошла в спальню.

Тейлор спал в той же позе, что и три часа назад, дышал ровно и глубоко. Лаура разделась и забралась под одеяло. Прильнула к крепкому телу Тейлора.

— Ну наконец-то вернулась, — прошептал он и прижал ее к себе.

Напряжение спало, и Лаура мгновенно уснула.

3

Доктор Кристин Гебауэр вошла в палату и растерянно огляделась. Куда подевалась пациентка? Ведь еще десять минут назад Кристин делала ей перевязку. Она выглянула в коридор.

— Сестра София? Где пациентка из пятой платы?

Коренастая, но проворная женщина как раз закрыла соседнюю дверь.

— А что она, не в палате, доктор Гебауэр?

Кристин покачала головой.

— Ну, может, в туалете... Буквально только что была в палате.

Кристин нахмурила лоб и посмотрела в конец коридора, где располагалась уборная.

— Я посмотрю, — проговорила она и поспешила по коридору.

Вообще-то у Кристин не было на это времени. Ночь в отделении неотложной помощи выдалась довольно хлопотной. Но пациентка, очевидно, была склонна к суициду, и не стоило оставлять ее одну. Необходимо было оказать ей психологическую помощь, а то вовсе перевести в психиатрическую клинику. Девушка примерно двадцати трех лет, вероятно, пыталась вскрыть себе вены. К счастью, ей не пришлось в голову подробно изучить процесс: она надрезала вены поперек, а не вдоль, и потеряла не так много крови. Если не считать шрамов, здоровью девушки ничто не угрожало. Однако Кристин опасалась, что этой неудачной попыткой дело не ограничится. От нее не укрылись старые отметины

на запястьях пациентки. Пробные порезы. Очевидно, девушку давно посещали мысли о самоубийстве.

Кристин открыла дверь в уборную.

— Есть кто? — окликнула она и вошла.

В туалете никого не оказалось. Кристин проверила кабинки. Двери были не заперты. На всякий случай она заглянула в каждую из трех кабинок. Никого. В недоумении Кристин вернулась в палату. Но и там никого не было. Пациентка исчезла.

Кристин вздохнула. Такое происходило не впервые. Несколько дней назад в отделение неотложной помощи обратилась женщина, вероятно пострадавшая от жестокого обращения со стороны мужа или партнера. Она тоже пропала, внезапно и бесследно. И, как назло, до того, как медсестры успели записать ее данные. Кристин всегда ставила оказание помощи пациентам превыше формальностей, но если число таких случаев возрастет, то проблем не избежать. Особенно теперь, с исчезновением склонной к суициду пациентки. Не было даже возможности обратиться за помощью, потому что никто не знал ее по имени. Следовало отладить процедуру приема пациентов — по крайней мере, в тех случаях, когда их жизни ничто не угрожало.

В кармане запищал сигнализатор. Кристин закрыла дверь и поспешила в приемное отделение. Санитары вкатили на носилках окровавленного мужчину.

— Авария. Реанимировали по дороге, — сообщил врач «скорой помощи».

Кристин не стала терять время. Отдала краткие указания ассистенту и ввела пострадавшему средство